

Вы когда-нибудь видели небо из кабины самолета? Нет? Автор этой книги видел небо так, как видят его птицы, облака и еще звезды. Он смотрел на небо их глазами. Он видел землю маленькой и далекой, хрупкой, а потому, наверно, она казалась ему ранимее и беспомощнее, чем нам, твердо стоящим на ней. Там, сверху, сильнее чувствовалось ее притяжение, ведь она держала его. Давала силы лететь — и быть рядом с ней, быть около ее тепла и материнства. И может быть, поэтому так настойчиво звучит в стихах Юрия Баранова мотив сыновней любви, боль за землю-мать и благодарность ей, вместе с мелодией полета в открывшихся душе небесах.

В первом цикле стихов «Мне родину в котомку не собрать...» главное — видение земли с высоты, глазами ангела и пилота, чуткое, зоркое, хранящее в себе чувство влюбленного в мир человека. Восхищение и растворение в земном осязаемо («Июль»). Глубинные христианские мотивы воскресения, спасения души, молитвы за разрушителей — непонятные в современное глумливое время — определены стойкостью веры автора. Мотивы пробиваются исповедальными, покаянными интонациями, проповедническими обращениями к совести, гремят колокольно. Рефрен «не привыкать» — глухой издалека набат, не столько признание и призвание народа к терпению, сколько свидетельство силы его духа, сохранившейся через войны, беды, ненастья, преодолевшей смерть и возвращающей к жизни («Не привыкать»). Анафора звучит как утверждение, как настойчивый мотив преодоления, готовности к бою.

Образ ночного боя ощутил сплавом мотора и сердца, души и звезд, человека и земли, стремлением к победе над злом ради существования («Отцу»). Раскаты грома, сполохи сражения в небе, схватка огненных птиц поднимают древнейшие пласты сознания, с признанием первенства небесных сил над земными. Вводный мотив воскресения, полет из сожженного, из поруганного — образ души и птицы — о родине, способной возродиться. Об этом первое стихотворение цикла «Мне родину в котомку не собрать...». А в завершающем — «Над островами дней и дел», ключевом для сборника, — в величии неба слышится глубокое дыхание земли, которое сберегается полетом.

Ритмы многонациональной России, бурятской культуры врываются в поэзию («Речка Кынгырга»). Удивительна звукопись стихотворения, в котором барабанные всплески свиваются с колыханием одежд в танце, со звоном металлических женских подвесок, перекатами реки, клетотом птиц и вскриками людей, созвучными друг другу и душе поэта, оказавшегося внутри этой бурлящей стихии под впечатлением от темпераментной испанской музыки. Слияние звуков, народов,

природы, жизни. Земное и небесное соединены ритмами, пением, мелодией. Свою тайну хранит «Самоцвет голубой», где образ чистого озера, образ совершенной природной красоты являет святость русской души, скрытую, дремлющую до поры силу.

Метафорой небесной кары открывается цикл «Крымская гроза». Мрачность грозных стихий сменяется радостью золотого утра. Единство разлученных имен и событий — Айвазовский, Грин, история русского флота — на этой встрече с солнечным днем. И снова «Гроза в Феодосии» с басовой струной грома, копиями молний, ночью-солдатом, и снова перламутр сметающего ненастье утра — смена природных стихий с верой человека в воскресение и победу света. Выразительна живопись синего моря, белого фрегата и золотых нашивок кителей, алого паруса из гриновской мелодии, живопись рождается из черноты, мрака ночи, как тишина моря — из грохота небес. Звучность имен и названий, словно из детства, в стихотворении «Дом Александра Грина в Феодосии» притягивает открытием дали, мечтой о странствиях. В географии раздела «Крымская гроза» — Балаклава, Феодосия, Севастополь, здесь сквозь озорство и боевой задор, зеленые аллеи, розы и туманы проступает память о погибших русских воинах, горечь утрат.

Мотив неизвестного открывается в первом стихотворении цикла «Тайные знаки природы». Скрытое сплавлено с судьбой и мужеством человека, преодолевающего перемены. Метафоры смены времен года, непогоды, движений волн воспринимаются как изломы человеческой жизни, как творящая стихия мелодий, метафор, рифм. В стихах — тайна жизни и творчества, их неразделимая сущность. Ею связаны человек и осень («Задержалась осень»). Старый человек, присевший отдохнуть под рябиной, плачет слезами-дождем о прожитом, а его душа уже неслышно спешит по облакам. О себе ли он плачет? И не о тех ли, кто остался ждать зимы? Вопросы возникают, тают, и остаются без ответа. Человек становится природой, а природа человеком. Он плачет дождями осенью, струится ручьями весной, в душе тают снега и прорастают сквозь них стрелки зелени — неразгаданное слияние человека и мира вокруг, неодолимая тяга души к звездам, дождю, небу, и каждый дорожит этим союзом. Молодая женщина-весна по-женски счастлива участием в вечном деянии природы.

Неизмеримость и неисчерпаемость человеческой грусти в стихотворении «Грусть осталась». Диалектика череды настроений человека как смены времен года с неразличимыми ветками и косами, вуалями, шляпами и осенними нарядами, росой и звездами, любовью («Прощай, и здравствуй»). Сменяемость как течение жизни в природе, чувствах, судьбе: движение в полете снежинок, рождение нового дня — ожидание обновления. Искрится снегом «Морозная ночь», плачет звездным колокольчиком, поет небесными хорами, манит несбывшимися снами. Слышать звездные голоса — значит ощущать в себе силы богатыря. И буйные разбойные вихри врываются молодостью («Багульник»), и разгул весны сметает тишину зимнего сна, дремоты. Весна дарит другие мотивы, другие мелодии — игривые, озорные, бунтарские. Молодые запахи дразнят, обещают, зовут. Стихи цикла о природе окунают читателя в таинственные потоки рождения дня и ночи, осени и зимы, потоки рождения чувств, мыслей, слов и мелодий. И внутри этого чудотворного потока их контуры почти неразличимы. Не отпускает вопрос: как можно существовать сразу в двух мирах, слышать сквозь уличные грохоты, гудки, трамвайные скрипы, механические голоса диктофонов, автоответчиков, светофоров звездный хор? Наверно, такой дар — счастье.

Тайна прихода слова, образа, рифмы в невыразимости чувств, боли и мук преобразуется в сознании автора в сказочную шкатулку, спрятанную на дне моря-океана, и образ поэта, идущего по берегу. Он всматривается в раковины — может быть, поэтому так много перламутра в его стихах — вслушивается в шумы и созвучия прибоя, ощущает на лице брызги слов, и даже бирюза воды улыбается ему рифмами. А перламутр, как потаенное присутствие всех красок в одном, близок немоте, хранящей в себе красоту слова. Так внутренний сюжет первого стихотворения в цикле «Что я хотел сказать сквозь немоту?» возникает из сплетений, узлов метафор и видимого мира. Всепоглощающая сила поэзии, звучащая дождем, зеленью, занавеской в окне подчиняет себе человека. Поэт чувствует себя стихами, журавлиной стай над синей рекой, пылающим закатом («Владеет он»), каплей росы, спадающей с листа, зерном, ожидающим в земле пробуждения («Дрожащей каплей...»), поэт кричит ветром и вьюгой («Как нотные знаки»). Но и ветер тоже дышит стихами, а васильки синеют словами («Любимой»). Слияние человека с природой, неотделимость от нее души — особенность поэзии Юрия Баранова — странны для бегущего современного человека, отчужденного от самого себя. Поэт ощущает стихи как способ связи с природой, возможность быть в ней, как радость и муку видеть, слышать, осязать стихами. Звуковой ритмический облик мира, густота метафор обнаруживают незримое и невидимое в очевидном. Поэтический образ раскрывает сущность происходящего и живого.

Осень в образе старого рыжего кота, пришедшего откуда-то на веранду, несет в себе завершение стихотворного года, отмечает чувство творческой исполненности и ожидание нового («Осенний кот»). Ощущение домашнего уюта и тишины продолжается в такой неожиданной встрече с пылающим окрасом котом, идущим на людское тепло и заботу, но и сам он несет людям тепло. И внезапность прихода осени, и желание завершения трудов сливаются в этом непривычном сравнении. Стихи Юрия Баранова отличаются цельной образностью, ясностью, легкой и зыбкой динамичностью, они возникают и растворяются в окружающем воздушном пространстве, проявляясь по чьей-то доброй воле. Словно наблюдаешь, как человеческое чувство пытается получить овеществленность, облечься в материю звука, слова, ритма. И ты где-то внутри этого потока с ощущением шероховатости густеющей материи.

Следующий цикл стихов «Было когда-то крыльцо золотое...» несет читателю мотивы уходящего времени, присутствующего в настоящем и вплетенного в тайны вечности. Соприсутствие прошлого в нынешнем, как и неразделимое слияние поэта и природы, тоже особенность поэзии Юрия Баранова. Время слито само с собой, едино, неделимо на прошлое-настоящее-будущее, и позволяет быть любой субстанции, по словам Августина Блаженного о единстве времени и вечности в «Исповеди». Время переплавляется и, проявляясь из прошлого, сквозь звенящую морось серебряных дождинок, сияние неведомого золотого крыльца, акварельность луж и растаявшего сна, приостанавливается в точке бытия — «жить» («Было»). Ускользящая материя времени определяет текучесть стихов, увлекает за неведомым, вслед порыву ветра, воздушной волне, тянет вперед. В стихах много золотого — в крыльце, в осенних листьях, в закатах, которые на фоне синего неба особенно выразительны («Осенний вечер»), в наплывах воспоминаний, в образе теплого южного города («Воспоминание»), в золоте Богородичных икон, негласно присутствующих рядом с синевой глаз («Дороги»). Охра счастливо сосуществует с лазурью, запечатлевая древнейшую связь земного и небесного. Земное

проявляется в небесной красоте, и жар-птица — все еще там, в заоблачной дали, а не в руках («Юность»). Золото неразделимо с синевою глаз, неба, звезд, моря.

Песни в цикле «Стальные стрелы» возвращают стихам контурность и строгость военной дисциплины. Строчки, ритмы, образы идут, строго чеканя шаг, создавая ощущение прочности, упругости, боеспособности, надежной защиты, готовности отразить удар. В них мощь, энергия, уверенность. Величие родины, ее славной истории, героизм русских воинов в душе автора рождает мужественный отклик — призыв к подвигу. Поэт становится стальной птицей, чтобы уберечь тишину родины, его сердце вбирает гул турбин, зов ветра. И серая бетонка взлетной полосы, как указатель пути к солнечным брызгам, к золоту врат Господа, она ведет к Богу.

Топография «островов»-циклов в сборнике Юрия Баранова «Над островами дней и дел» определена широтой взгляда поэта — родина, Крым, красота природы, тайна творчества, защита неба и земли — темы, открывающие панорамное видение мира, полноту чувств и осмысленность прожитого. Вместе с удивлением красотой жизни и любованием ею. Искренность, чистота, прозрачность интонаций поэта — где-то внутри, за словом, вне его материи. Чувства, рождаемые стихами, словно извлечены из воздуха. И чтобы попасть в незримые его потоки нужно читать и читать стихи, не отрываясь, набирая ускорение, и вслед за нитью слов, запятых, предложений взмыть ввысь. Словно планер на фанерных, укрепленных веревками и клеем крыльях. Но это тоже полет. Это тоже возможность пролететь над островами своих дней и дел, увидеть небо глазами птицы...

Небо дало поэту голос. Оно дало ему крылья. У него они стальные, и с этим надо согласиться. В его стихах проявляется нежность воина, хранителя родного, близкого, в ней утверждается вековая сила русской души и высота ее святости. И, видимо, в том призвание поэта, чтобы беречь покой родины, чтобы стоять на защите земных и небесных ее рубежей.